

В. Н. Ярцева. Развитие национального литературного английского языка. — М., изд-во «Наука», 1969. 286 стр.

Рецензируемая книга состоит из введения и семи глав, что составляет 255 стр. текста; приложение включает резюме на английском языке (стр. 256—270), указатель имен (стр. 270—274 — русский указатель, стр. 275—276 — английский указатель), библиографию (стр. 277—283) и библиографию английских авторов XV—XVIII вв. (стр. 284—285).

Отечественная лингвистическая литература насчитывает ряд книг, посвященных истории английского языка в целом, или историческому развитию отдельных грамматических или лексических явлений. Но процесс складывания национальной литературной нормы во всей его сложности, с учетом всей связанной с ним проблематики, не был описан монографически. В зарубежной литературе по англистике этот вопрос освещается в ходе изложения общей истории языка (у некоторых авторов довольно подробно); существуют и монографические работы, но они не охватывают всего процесса в целом. Таким образом, книга В. Н. Ярцевой заполняет существенный пробел не только в отечественной литературе, но и в общей англистике.

В книге поставлен ряд важных вопросов. Так, в главе первой обсуждается вопрос диалектной базы национального литературного английского языка и его диалектной переориентации. Значительное место уделено воздействию скандинавских языков на английский. Заслуживает внимания сама постановка вопроса: В. Н. Ярцева вполне справедливо, как представляется, оценивает это влияние как факт междиалектных, а не межъязыковых связей, так как скандинавские элементы были сначала абсорбированы северным диалектом английского языка и в дальнейшем попали в центральный диалект (т. е. базу складывающейся в то время литературной нормы) уже как северные диалектизмы; межъязыковые англо-скандинавские связи на английской территории в это время уже фактически невозможны, так как собственно скандинавского населения в Англии в эту эпоху не было. Подробно рассматриваются случаи фонетических замен (*give, get* и т. д.) на фоне сохранения собственно английских форм, а также взаимодействие разнодиалектных форм имени и глагола в процессе переориентации лондонского диалекта от южного типа к восточно-центральному.

Распространение новых форм местоимений 3-го лица мн. числа, согласно изложенной выше позиции автора, рассматривается как междиалектное заимствование из северного диалекта. Это — единственно убедительное решение данного вопроса, давно занимающего историков английского языка; но, может быть, мож-

но было бы пойти и еще дальше. Само заимствование этих местоимений северным диалектом из скандинавского, вероятно, не может быть объяснено только звуковым слиянием их с местоимениями 3-го лица ед. числа; вряд ли скандинавские местоимения могли так легко утвердиться в северном диалекте, если бы в древнеанглийском не было указательных местоимений, начинавшихся с */ð/*, по форме достаточно схожих со скандинавскими (ср. др.-англ. *þæra þara*, — сканд. *þeirra*).

Глава вторая посвящена иностранному вкладу в английский язык. Справедливо указано на то, что древнеанглийские историзмы (т. е. слова, обозначающие реалии, ставшие архаичными) в среднеанглийском исчезли почти мгновенно, в результате изменения самих государственных и общественных институтов и прекращения эпической традиции. Отсюда следует интересный вывод о том, что конкуренция происходила не в терминологической сфере, а в общей, нейтральной лексике. Внутриструктурные факторы, способствовавшие укреплению заимствованной лексики, это 1) наличие семантических групп, объединенных общностью предметно-семантической сферы, и 2) наличие структурных групп, т. е. однокорневых гнезд, которые обростали производными, в результате чего оказалось возможным их морфологическое членение и дальнейшая их продуктивность. Весьма важной в этом разделе представляется мысль о роли лексических заимствований в укреплении развивающихся черт грамматического строя, — и, отсюда, в ослаблении его отживающих черт (стр. 58—62). На стр. 69—82 рассматривается проблема синтаксических заимствований. Приведен список случаев, наиболее часто рассматриваемых как синтаксические заимствования (стр. 69—70), и далее следует их подробный разбор. вполне справедливо указывая на то, что те или иные синтаксические типы могут укрепиться в одном языке под влиянием другого, только если в языке-получателе имеются соответствующие предпосылки. В. Н. Ярцева весьма осторожно относится к теории синтаксических заимствований: из перечисленных 12 случаев, относимых лингвистами к заимствованным, она склонна считать, только абсолютное причастие развившимся под влиянием латыни. Это — обычно принятое в германистике решение вопроса, как отмечает автор. И все же, решение в данном случае представляется неисчерпывающим. Конструкция с абсолютным причастием отмечена во всех или в большинстве германских языков; она существовала и в древнеанглийском. Отсюда возникает новый вопрос: возможно ли та-

кое широкое влияние подлинника, которое в разных языках вызвало бы совершенно одинаковую реакцию — возникновение новой, и притом однотипной конструкции. Представляется, что этот вопрос еще не получил окончательного разрешения.

Становление английского литературного языка относится к XVI в. — эпохе распространения английского языка на все области жизни Англии. Возникает сознательное отношение к языку; возможность и желательность использования родного языка в любом виде литературы защищается и доказывается в ряде работ (Шем, Сидней, Путтенгам и др.). XVI в. отмечен появлением теоретиков, занимающихся вопросами языка, дающими рекомендации по отбору языковых средств, предупреждающими против употребления *unkhorne terms* и т. д. Особенно существенна в этом плане книга «Искусство английской поэзии» Путтенгама, содержащая очень конкретные рекомендации и определяющая территориальные границы языка, который может считаться «хорошим» — южный вариант районов вблизи Лондона; это — язык королевского двора и образованных людей. Подробно освещается также деятельность умеренных пуристов — Чика, Петти, также Лисля, которые считают, что старая английская лексика может быть с успехом использована для создания новых лексем; также деятельность Р. Левера, пытавшегося изгнать латинские термины и создать новые из английского материала (стр. 121—122).

В этой главе было бы желательно пояснение к высказыванию Путтенгама, приведенному на стр. 105, 106, где он определяет «лучший» тип языка как южный; на фоне того, что автор все время подчеркивает переориентацию лондонского диалекта на восточно-центральный тип и, с другой стороны, того, что кокней квалифицируется как южный вариант лондонского диалекта (ниже, стр. 229), здесь был бы нужен комментарий автора; иначе кажущееся противоречие может вызвать недоумение у читателей не-англистов, которых данная книга заинтересует в плане общей проблематики сложения национального языка.

Говоря о путях пополнения лексического состава английского языка этой эпохи, автор употребляет термин «аналитический характер» словообразования в применении к конверсии (стр. 115). Этот термин представляется не вполне удачным. Совершенно несомненно то, что конверсия как способ словообразования возможна только в языке с аналитическим строем. Означает ли это, что сам этот способ может быть назван «аналитическим»? Поскольку термин «аналитический» в данном случае явно не имеет ничего общего с термином «аналитическая форма», есть опасность, что он может

быть ассоциирован с расплывчатым и лингвистически неоправданным понятием «аналитического слова». Поэтому, может быть, осторожнее было бы употребить здесь обычный термин «бессуффиксальный» способ.

Первые этапы сложения национального языка — эпоха многовариантности. В книге подробно обсуждается сосуществование фонетических и грамматических вариантов — аналогичных и исторических форм, — характерное для эпохи XV—XVI вв.; в частности, сопоставляя употребление глагольной флексии *~es* и *~eth* (3-е лицо ед. числа настоящего времени), В. Н. Ярцева приходит к выводу, что флексия *es* была свойственна разговорному языку. Очень интересно сопоставление вариантов с синкопой гласного местоимения при полногласии связки или вспомогательного глагола (*y'are, y'had*) и с полной формой местоимения при редукции вспомогательного глагола или связки: *he'll, I'd*. Как указывает В. Н. Ярцева, первая модель не могла сохраниться, так как местоимения — единственный показатель отнесенности действия к лицу, и поэтому их редукция нежелательна.

Одним из важных аспектов сложения и закрепления нормы является соотношение письменной речи во всех ее жанровых разновидностях и устной речи. В. Н. Ярцева отмечает, что в истории стабилизации английской нормы роль литературно-художественной прозы была много важнее, чем роль канцелярского языка, объясняя это причинами историческими.

Наряду с деятельностью грамматистов В. Н. Ярцева очень основательно рассматривает деятельность тех ученых и писателей, которые занимались вопросами риторики и философии языка. В этой области античные теории полностью сохраняли свою силу, являясь источником стилистических приемов обработки письменной речи. Следует отметить, что изложение античных теорий, учения Аристотеля значительно утяжеляет этот раздел; вместе с тем, оно несомненно способствует полноте изложения. Однако следить за мыслью автора в этой части не всегда легко. Может быть, для того чтобы выделить наиболее существенное, следовало бы некоторые детали античных теорий дать мелким шрифтом.

Грамматическая теория на первых порах развивалась в направлении логико-универсального; но основные школы грамматистов XVII—XVIII вв. — сторонники логико-рационалистической грамматики и сторонники «обычая» — стремились к кодификации грамматического строя английского языка. Полемизируя с К. Свренсеном, считающим, что в глазах ранних грамматистов универсальная грамматика известным образом сливалась с латинской, что вело к запрещению «нелогичных» конструкций, В. Н. Ярцева

подчеркивает другой аспект борьбы английского и латыни. Это была борьба за демократизацию письменной речи путем проникновения в нее элементов разговорного языка. Последнее положение иллюстрируется такими примерами, как употребление местоимения *its*, как возможность употреблять так называемые «contact-clauses» (стр. 191—193). Наряду с этим как пример противоположного направления — стремления ограничить литературный язык от обиходно-разговорного, приводятся весьма поучительные данные о работе Драйдена над своим текстом (стр. 199—202); работа эта очень явно направлена на «очищение» текста от разговорных конструкций (употребление предлога в конце предложения или словосочетания).

Что касается элементов, вытесненных из литературного языка, то они могут стать признаком социальных диалектов или превратиться в архаизмы, использоваться в определенных литературных жанрах. Здесь поставлен важный, принципиальный вопрос критериев грамматического архаизма. Непродуктивные модели, включающие небольшие лексические ряды, не являются архаизмами (например, сильные глаголы). Грамматическим архаизмом является одна из двух параллельных форм, одна из которых функционирует неограниченно, другая же — только в определенном стиле речи (например, *spoke — spake*). Грамматический архаизм может быть чисто структурным, когда при возникновении новой формы наряду с ней старая модель еще может употребляться, но это употребление уже имеет особый стилистический характер (*the house is building*). Интересна мысль, о том, что элементы, оставшиеся за пределами литературного языка, могут из локального плана перейти во временной (т. е. то, что было диалектизмом, воспринимается как архаизм) (стр. 220).

Автор уделяет особое внимание лондонскому кокней, который, по мнению ряда авторов, сохранил черты южного и мидлсекского диалектов в противоположность восточно-центральной направленности лондонского диалекта, легшего в основу литературного языка.

Очень существенно указание на необходимость различать в кокней старые элементы и новообразования. Грамматические особенности кокней (двойное отрицание, наречия без *~ly* и др.) свойственны и ряду современных территориальных диалектов. К новым чертам кокней относится произношение долгих гласных как дифтонгоидов; с другой стороны, мена *v/w* идет на убыль. Автор указывает на трудность в некоторых случаях установить отличие диалектизм от архаизмов.

Полемизируя с Квирком относительно существования стандартного произношения в пределах нормы, В. Н. Ярцева указывает, что индивидуальные отклонения не нарушают общей картины. Вместе с тем, автор принимает положение Квирка о том, что «нормальный тип языка — это тот, который меньше всего обращает на себя внимание». На стр. 250 дается определение региональных вариантов как таких, которые обслуживают все те же сферы, что и литературный язык, в то время как местные диалекты функционально ограничены.

Книга «Развитие национальной английского литературного языка» — солидный, весьма интересный труд, в котором прослеживаются сложные, переплетающиеся факторы, участвовавшие в складывании нормы: это, с одной стороны, развитие национальной культуры, — в частности литературы и теории литературы, отражавших общий ход социально-экономической истории Англии; с другой — структурные языковые явления, их взаимодействие и взаимообусловленность. Автор последовательно держится в границах лишь строго необходимых экстралингвистических событий; но в этих пределах дает весьма обстоятельное их изложение. Внутряязыковые структурные явления иллюстрированы интересным фактическим материалом. Книга эта будет интересна и полезна не только для англистов, но и для историков любого языка, так как по охвату материала и диапазону проблематики она принадлежит к наиболее серьезным трудам такого рода.

И. П. Иванова

И. И. Ковтунова. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. Пути становления современной нормы. — М., изд-во «Наука», 1969, 231 стр.

И. И. Ковтуновой в ее книге удалось ответить по крайней мере двум насущным потребностям нашей русистики, и в этом смысле книга имеет двойную ценность.

Прежде всего, здесь излагается разра-

ботанное автором понимание механизма словорасположения, действующего в современном русском литературном языке (этому посвящена первая, вводная, часть книги, стр. 3—65; несколько ранее она была опубликована в сб. «Русский язык.